

древне-вавилонскаго и ассирійскаго права, но не отражаютъ ли они и болѣе новыхъ явленій — процесса начавшагося на окраинахъ римской Имперіи изживанія рабства?

«Отчетъ» — превосходная и по содержанию, и по внѣшности книга. Взявши ее, не хочется выпустить изъ рукъ, не перелиставъ до конца; перелиставши, хочется внимательно прочитать. Немногихъ счастливецъ, которымъ это доступно, потянетъ познакомиться и съ «мѣстомъ дѣйствія» — побывать у границъ той, все еще загадочной во многомъ Иранской Имперіи, откуда, берегами Каспійскаго и Чернаго моря, протянулась важная нить и къ нашей родной культурной исторіи.

Ив. Херасковъ.

Г. П. Федотовъ. Святые древней Руси. Парижъ, изд. УМСА, 1931.

Авторъ подошелъ къ своей темѣ какъ историкъ-соціологъ. Въ книгѣ охарактеризованы различные типы святости, соответствующіе различнымъ слоямъ русскаго общества, изъ которыхъ выходили святые, прослѣжена эволюція этихъ типовъ и смѣна ихъ во времени, въ соответствіи съ общимъ движеніемъ русской культуры и ея внутренними перерожденіями. Сперва — монахи, зиждители русской Церкви и князья — подвижники за національное дѣло; затѣмъ, наряду съ свитателями-отшельниками, правители уже сложившейся Церкви; далѣе, когда Церковь застываетъ въ традиціонномъ благочестіи, святые міряне. Интересно наблюденіе автора, что среди этой послѣдней категоріи совершенно отсутствуютъ представители русскаго крестьянства. Особое мѣсто отведено одному, по преимуществу русскому, явленію — юродству. Въ юродствѣ проявляло себя своеобразное русское протестанство — противъ условностей традиціоннаго религіозно-бытового уклада, осложнившееся подчасъ и протестомъ противъ мірской неправды, противъ неправды и насилія Государства, протестанство чисто личное, ничего не противопоставляющее тому, противъ чего оно направлено, — кромѣ личнаго примѣра предѣльнаго смиренія, самоуничтоженія, самоумаленія, отхода отъ зла и служенія добру. Очень мѣтко сопоставленіе юродиваго съ Иваномъ-дуракомъ русской сказки: «Иванъ-дуракъ несомнѣнно отражаетъ вліяніе св. юродиваго...» Авторъ безусловно правъ, выдвигая специфически-русскій характеръ этого явленія и его значеніе въ русской жизни. Все же мнѣ кажется чрезчуръ категоричными слова автора: «извѣстно, что католическій Западъ не зналъ юродства». Св. Францискъ, о которомъ самъ-же авторъ вспоминаетъ нѣсколько далѣе, началъ съ юродствованія и до гроба остался вѣренъ идеалу юродства; тяготѣніе къ юродству было очень значительно въ нѣкоторыхъ толкахъ ранняго францисканства; но Церковь на Западѣ съ юродствомъ боролась, вводила его въ свои рамки, или гнала его. И секуляризованное юродство не было вполнѣ чуждо Западу: Иванъ-дуракъ имѣетъ свою параллель въ блаженныхъ

скоморохахъ, наконецъ, въ Донъ-Кихотѣ, который самъ, несомнѣнно, связанъ по происхожденію съ Игнатіемъ Лойолой, тоже, подобно Франциску, начавшимъ съ юродства. Разницу въ отношеніи обихъ Церквей къ юродству слѣдуетъ объяснить, кажется, не столько католическимъ духомъ дисциплины, сколько тѣмъ, что на Западѣ всякое теченіе было обязательно умственнымъ, и въ юродивомъ («идіота», человекъ «самъ по себѣ») Церковь западная всегда поэтому чуяла еретика.

Съ большой тонкостью и остротой критики авторъ выдѣляетъ въ массѣ житійнаго матеріала тѣ сплетенныя съ агиографическими шаблонами данныя, которыя позволяютъ возстановить тѣ или иные исторически-цѣнныя — національныя, родовыя или личныя черты. Извѣстно, какъ это трудно, какая едва уловимая грань отдѣляетъ шаблонъ отъ отраженія, въ источникахъ этого рода, конкретныхъ чертъ. Авторъ дѣйствуетъ здѣсь съ большою — и необходимою — осторожностью, но никогда не впадаетъ въ бывшую еще недавно модной «гиперкритику».

Строго научная точка зрѣнія выдержана авторомъ не только въ анализѣ источниковъ и тѣхъ конкретныхъ данныхъ, которыя въ нихъ отражены, но и въ общей его концепціи русской святости, какъ явленія русскаго національнаго развитія — въ рѣзкомъ разграниченіи двухъ воянцій, — русской святости и русской народности. «Русскіе святые не — русскій народъ», говоритъ онъ, правильно противопоставляя свою точку зрѣнія упрощенной точкѣ зрѣнія послѣдней славянофильства. Святость и праведность русской культуры не данное, а заданіе, и «народность» не «субстратъ» историческаго развитія, а то, что само развивается, «становится». «Идеализація русской жизни была бы извращеннымъ выводомъ изъ сянія ея святости». Болѣе того: нельзя проводить знака равенства и между русской святостью и русской религіозностью въ цѣломъ. Религіозный голодъ, религіозная тревога, «богоискательство» — явленія позднѣйшаго времени (начиная съ XVIII в.), времени разрыва съ традиціонной религіозностью (церковностью), присущей русскому обществу въ старину.

П. Бицилли.

Проф. Е. Ф. Шмурло. Курсъ русской исторіи. Т. I. Возникновеніе и образованіе русскаго государства. 862-1462 г. г. Прага. 1931.

Профессоръ Е. Ф. Шмурло только что выпустилъ въ Прагѣ первый томъ своего курса русской исторіи. Привѣтствуя появленіе этой цѣнной книги, приходится очень пожалѣть о томъ, что авторъ не могъ выпустить еѣ въ печатномъ видѣ, а пришлось ему довольствоваться размноженіемъ ея на печатной машинкѣ всего въ сѣз экземплярахъ.

Курсъ проф. Шмурло отличается своеобразной архитектурикою.